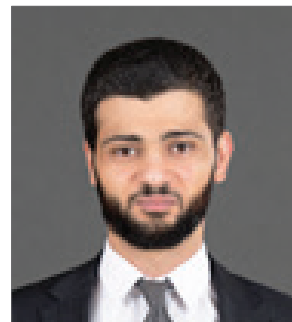

Принцип приоритета содержания над формой в конкурентном праве

Аннотация. Автор анализирует принцип приоритета содержания над формой применительно к формирующейся отрасли конкурентного права. На основании анализа отдельных сквозных проявлений данного принципа в различных институтах конкурентного права автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего изучения данного принципа в конкурентном праве, а также об особенном значении судебного контроля и разъяснительных актов самого антимонопольного органа для эффективного функционирования данного принципа в конкурентном праве.

Ключевые слова: принципы права, конкурентное право, приоритет содержания над формой, злоупотребление доминирующим положением, государственный контроль за экономической концентрацией, судебный контроль

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.095-105

Карин Бениаминович ОВАКИМЯН,

старший преподаватель кафедры

конкурентного права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА),

адвокат, советник

юридической фирмы Denuo,

кандидат юридических наук

karinhovakimyan@

gmail.com

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская,

д. 9

Karin B. OVAKIMYAN,

Senior Lecturer, Department of Competition Law

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

lawyer of the Counsel at Denuo law firm,

Cand. Sci. (Law)

karinhovakimyan@gmail.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The principle of priority of content over form in competition law

Abstract. The author examines the principle of substance over form within the context of the evolving competition law branch. By analyzing specific cross-cutting applications of this principle across various institutions of competition law, the author concludes that further research into this principle is essential. Additionally, the author highlights the critical role of judicial review and interpretive acts issued by the antimonopoly authority in ensuring the effective implementation of this principle in competition law.

Keywords: legal principles, competition law, substance over form, abuse of dominant position, merger control, judicial review

Под принципами права традиционно понимаются выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни¹.

Принципы права — основополагающие идеи, закрепленные в официальных источниках права или получившие признание в юридической практике и отражающие закономерности развития общественных отношений².

Принципы права основываются на базовых началах правового регулирования, могут выражаться как в нормативно-правовой форме, так и получать свое воплощение в правоприменительной практике. Основной целью принципов права является создание каркаса права, в том числе отдельных его отраслей, обозначение направлений его развития и заполнение пробелов.

В юридической науке высказываются мнения о существовании принципов права вне зависимости от их закрепления не только в нормативной форме, но также и в правоприменительной практике (отсутствие выражения принципов в позитивном праве в целом). Тем не менее даже и при таких обстоятельствах ученые утверждают о независимом существовании правовых принципов и, скорее, о недостатках позитивного права, которым соответствующий принцип выявлен не был, нежели об отсутствии принципа как такового³.

Таким образом, можно говорить о правовых принципах как об универсальных, основополагающих началах, существование которых объективно. Данный подход подразумевает осмысление правовых принципов через анализ основных закономерностей человеческой (индивидуальной) и социально-экономической (коллективной) природы, особенностей человека и общества, а также исторических путей достижения наиболее оптимального баланса личных и общественных интересов.

Кроме того, ученые называют принципы права его «сквозными идеями»⁴. В этой связи принцип права может и не иметь прямого закрепления в позитивном праве, но тем не менее существовать в праве и эффективно применяться в рамках правоприменительной практики.

При таком подходе основной задачей правоведов, законодателя, правоприменителя становится осознание правовых принципов через призму оценки данных особенностей и (при необходимости) приведение позитивного права (нормативно-правовой базы и правоприменительной практики) в русло объективных (естественных) принципов.

В данном контексте в настоящем исследовании предполагается обозначить актуальное направление для изучения одного из принципов конкурентного права — принципа приоритета содержания над формой. Не претендуя на завершённый характер исследования, работа предполагает дальнейшие дискуссии и исследования о том, насколько действительно конкурентному праву объективно свойствен такой принцип, а если действительно свойствен, то какие новые

¹ Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 102.

² Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Российское юридическое образование, 2010. С. 193—194.

³ Коновалов А. В. К вопросу о понятии принципов права // Lex russica. 2018. № 8. С. 81—87.

⁴ Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 1. С. 102.

правовые инструменты и механизмы, вытекающие из данного принципа, могут способствовать более гармоничному и в то же время более эффективному регулированию отношений, составляющих предмет конкурентного права.

Принципы конкурентного права

Принципам конкурентного права посвящен определенный круг работ ученых. В частности, систему принципов конкурентного права выводит С. А. Пузыревский, разделяя их на конституционные (единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, запрет монополизации и недобросовестной конкуренции, свобода экономической деятельности, государственная защита прав и свобод человека) и отраслевые (свобода экономической деятельности, недопустимость монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, обеспечение конкуренции при проведении торгов, предупреждение монополизации посредством контроля экономической концентрации, эффективность санкций, возмещение ущерба)⁵.

Собственную систему классификации принципов конкурентного права предлагает А. Н. Варламова, выделяя в качестве отраслевых принципов конкурентного права учет отраслевых особенностей товарных рынков, недискриминационность, взаимосвязь конфликта и солидарности интересов, добросовестность, единство свободной конкуренции и свободы договора, защиту экономически слабого субъекта.

Вопросам регулирующего воздействия правовых принципов на действие антимонопольных ограничений посвящена также и часть работы Е. Ю. Борзило⁶.

Содержание принципа приоритета содержания над формой

В настоящее время исследования принципов конкурентного права продолжают, что, безусловно, способствует дальнейшему становлению развивающейся отрасли права. В то же время основательные исследования принципа приоритета содержания над формой применительно к конкурентному праву пока отсутствуют.

Исторически принцип приоритета содержания над формой перешел в российскую правовую систему из системы общего права. Например, в США в деле *Gregory v. Helvering* (1935) применение данного принципа свелось к налоговой переквалификации цепочки взаимосвязанных сделок, осуществленных физическим лицом для целей уклонения от уплаты налогов (вместо передачи акционеру имущества компании в формате выплаты дивидендов, что предполагало обложение налогом, акционером был предпринят ряд действий, связанных с корпоративной реорганизацией общества и выделением имущества для целей

⁵ Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Проспект, 2022. С. 85—94 (автор главы — С. А. Пузыревский).

⁶ Борзило Е. Ю. Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.

формального исключения необходимости уплаты налога, что было воспринято судами в качестве мнимых сделок и переквалифицировано с соответствующими налоговыми последствиями).

В этой связи принцип приоритета содержания над формой, будучи межотраслевым, устоялся в другой отрасли — налоговом праве, а также в правилах бухгалтерского учета (являясь базовым принципом МСФО) и в строгом смысле не является исключительно правовым принципом.

В современном российском праве прямое нормативное закрепление данному принципу было предоставлено, например, в п. 6 Положения по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008). Согласно данной норме, учетная политика организации должна обеспечивать «отражение в бухгалтерском учете фактов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из их экономического содержания и условий хозяйствования (требование приоритета содержания перед формой)».

Если кратко, то содержание принципа заключается в учете реального экономического положения дел и в приоритете такого положения над формально юридическим. Например, если организация производит товары на арендованной площадке при помощи арендованного оборудования, то учет на балансе такой организации только собственного оборудования может исказить показатели рентабельности капитала такой организации. Напротив, учитывая на балансе арендованное имущество, компания более объективным образом отразит те основные средства, с помощью которых она добивается своей рентабельности, что окажет более информативное воздействие на кредиторов и инвесторов.

Аналогичным образом принцип получил и нормативное закрепление в Налоговом кодексе РФ. Например, положения ст. 54.1 НК РФ запрещают налогоплательщику уменьшать налоговую базу или сумму налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной деятельности налогоплательщика. В частности, ФНС России относит к формам такого искажения искусственное дробление бизнеса, нереальность исполнения сделки, искусственное создание условий для применения пониженных налоговых ставок и т.д.⁷

Однако еще до прямого закрепления в НК РФ принцип получил широкое распространение в практике судов. В частности, еще в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 указывалось, что «налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера)».

В сфере налогового права выделяют подформы приоритета существа над формой в налоговом праве, в частности доктрину «срывания корпоративной вуали», «доктрину деловой цели», сквозной подход при определении фактического права на доход (в контексте избежания двойного налогообложения) и тест на дробление бизнеса⁸.

⁷ Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@.

⁸ *Голенев В. В.* Доктрина приоритета существа над формой // 2019. URL: <https://www.advogazeta.ru/mneniya/doktrina-prioriteta-sushchestva-nad-formoy/>.

Из смежных отраслей, безусловно, необходимо также отметить ст. 170 ГК РФ, которая содержит проявления правила приоритета содержания над формой (к притворным сделкам применяются правила той сделки, которая подразумевалась сторонами).

Приоритет содержания над формой в конкурентном праве

При подробном анализе становится очевидным, что приоритет содержания над формой отчетливо и сквозным образом присутствует во множестве положений Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В частности, раскрытые в ст. 4 основные понятия, используемые в Законе о защите конкуренции, преимущественно исходят из приоритета реального экономического содержания тех или иных явлений над их внешней формой:

- товар определяется как любой объект гражданских прав, предназначенный для введения в оборот (а не только подлежащий купле-продаже в понимании ГК РФ);
- недобросовестная конкуренция определена как любые действия хозяйствующих субъектов, соответствующие трем базовым признакам, независимо от их внешнего выражения;
- соглашения определены как любые договоренности вне зависимости от формы их закрепления (устно или письменно, по правилам ГК РФ или нет);
- экономическая концентрация рассматривается как любые действия, оказывающие влияние на состояние конкуренции;
- приобретение акций (долей) — как любое приобретение права распоряжаться голосами на общем собрании (вне зависимости от того, приобретаются ли акции (доли), например, в собственность).

В свою очередь, концепция доминирующего положения (ст. 5 Закона о защите конкуренции) исходит из первичности факта наличия у хозяйствующего субъекта рыночной власти (содержание) по отношению к его рыночной доле (форма). Другими словами, теоретически даже хозяйствующий субъект с долей свыше 50 % на рынке может доказать отсутствие у него доминирующего положения в силу отсутствия реальной возможности оказывать решающее влияние на общие условия обращения товаров на рынке (п. 1 ч. 1 ст. 5 Закона о защите конкуренции).

Монопольно высокой ценой не признается цена, которая не превышает цену на сопоставимом товарном рынке в условиях конкуренции (содержание), даже несмотря на возможное повышение цены доминирующим хозяйствующим субъектом и вне зависимости от уровня его рентабельности (ст. 6 Закона о защите конкуренции).

Достаточно яркое воплощение принцип приоритета содержания над формой получил при определении критериев отнесения нескольких физических и юридических лиц к одной группе (ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции). В частности, приводя ряд формальных критериев (владение акциями (долями), осуществление функций ЕИО, совпадение состава коллегиальных органов, родственные связи), законодатель тем не менее дополняет норму указанием на наличие любых иных

отношений, в рамках которых одно лицо вправе давать другому обязательные для исполнения указания.

Распространяя требования антимонопольного законодательства в равной степени на группу лиц (т.е. как на отдельных субъектов, так и на их совокупность), законодатель практически прямо указывает на зависимое положение формы перед содержанием (ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции). В данном случае форма как бы выполняет подчиненную функцию, служит лишь индикатором наличия риска, но главенствующая роль отдается содержанию — реальному экономическому положению дел, в котором вся группа лиц подчинена единому экономическому интересу, а в большинстве случаев и в принципе контролируется одним лицом.

Более того, Верховный Суд РФ, толкуя положения ст. 9 Закона о защите конкуренции, определяет, что, несмотря на формальное указание Закона о защите конкуренции (п. 7 ч. 1, ч. 2 ст. 9), «к лицу, формально вошедшему в группу лиц, может не применяться правовой режим этой группы, если при рассмотрении дела будет установлено, что в действительности данное лицо автономно в определении своего поведения на товарном рынке» (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2).

Аналогичным образом приоритет содержания над формой выразился в позиции Верховного Суда о допустимости квалификации в качестве координации (ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции) действий хозяйствующего субъекта, если координируемые лица находятся в состоянии экономической зависимости от координатора, несмотря на наличие между ними вертикального соглашения (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2).

Тем не менее ни в первом, ни во втором случае нет прямого указания в законе на допустимость такой квалификации в качестве координации действий в рамках вертикального соглашения, равно как и отсутствует указание на допустимость не распространять режим группы лиц на отдельных лиц, которые формально в эту группу входят. В этой связи можно предположить, что Верховный Суд, включая соответствующие положения в текст Постановления Пленума от 04.03.2021 № 2, руководствовался как раз принципами права, призванными заполнить пробелы правового регулирования, и не в последнюю очередь — принципом приоритета содержания над формой.

При дальнейшем анализе Закона о защите конкуренции сквозные выражения принципа приоритета содержания над формой выражаются в запретах иных форм злоупотребления доминирующим положением (ч. 1 ст. 10), иных антиконкурентных соглашений (ч. 4 ст. 11), иных форм недобросовестной конкуренции (ст. 14.8).

Существенный набор правовых инструментов, опирающихся на принцип приоритета содержания над формой включен в главу 7 Закона о защите конкуренции, посвященную регулированию государственного контроля за экономической концентрацией. В частности, согласно положениям ст. 28—29 согласование требуется в отношении любых сделок, влекущих переход права голоса, а не только сделок, предусматривающих переход права собственности на акции/доли. Более того, законодатель включает в Закон п. 8 ч. 1 ст. 28 с требованием о согласовании сделок, влекущих приобретение права определять условия осуществления предпринимательской деятельности. В таком ключе в целом можно определить цель контроля экономической концентрации — она как раз и заключается в

государственном контроле сделок, влекущих переход реального экономического влияния в отношении средств производства, что достаточно близко к праву определять условия осуществления предпринимательской деятельности.

С помощью конструкции таких бланкетных норм (ч. 1 ст. 10, ч. 4 ст. 11, ст. 14.8, п. 8 ч. 1 ст. 28 и др.) законодатель как бы предоставляет правоприменителю усмотрение и право при необходимости исходить из реальности сложившихся экономических отношений в первую очередь, а не из их внешней формы, что могло бы иметь место в отсутствие таких норм.

Такой подход, безусловно, вызван спецификой антимонопольного регулирования, наличием многообразия форм экономических отношений, существенной динамикой их содержания, необходимостью борьбы с недобросовестными участниками рынка для защиты публичных интересов, постоянной необходимостью адаптации правоприменительной практики к меняющимся условиям обращения товаров на товарных рынках. Конституционный Суд РФ в этой связи признает допустимым использование в правовом регулировании оценочных или общепринятых понятий «с учетом особенностей конкретных объектов правовой охраны и необходимости адекватного и пропорционального применения административно-правовых запретов в условиях многообразия складывающихся в конкретной сфере моделей поведения» (определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015 № 185-О).

В действительности такой подход не нарушает вытекающее из Конституции РФ требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм при условии наличия развитой системы отраслевых принципов и эффективной практики по даче разъяснений по вопросам применения антимонопольного законодательства. В этой связи многочисленные разъяснения ФАС России, а также акты высших органов судебной власти имеют первостепенное значение при обеспечении ясности и определенности антимонопольного законодательства.

Отдельно следует отметить, что приоритет содержания над формой зачастую выражается не только в законодательстве, но и в практике антимонопольного органа и судов по конкретным делам.

Например, ФАС России и суды на практике отказывают хозяйствующим субъектам в применении так называемых антимонопольных иммунитетов для интеллектуальной собственности в тех случаях, когда заявляемые хозяйствующими субъектами права в действительности выходят за пределы реализации исключительных прав⁹.

Однако представляется, что наличие антимонопольных иммунитетов в Законе о защите конкуренции в целом противоречит принципу приоритета содержания над формой, создавая лишние барьеры для эффективного антимонопольного контроля отдельных случаев злоупотреблений со стороны правообладателей, особенно на рынках распространения не товаров, произведенных с помощью охраняемых объектов интеллектуальной собственности, а, например, самих

⁹ Решение по делу № 05/01/10-63/2021 от 25.05.2022 ; постановление СИП по делу № А40-72785/2020 ; определение Верховного Суда РФ по делу № А40-72785/2020. См. также: Борзило Е. Ю. Указ. соч. С. 56.

результатов интеллектуальной деятельности (например, программ для ЭВМ либо баз данных), т.е. на так называемых рынках технологий¹⁰.

Приоритет содержания над формой явным образом был применен судами также в деле № А40-45414/2019 об оспаривании сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия ФАС России. В частности, суды указали, что балансовую стоимость приобретенных активов (п. 7 ч. 1 ст. 28 Закона о защите конкуренции) следует считать не только строго по учету в отношении активов, являвшихся предметом сделки (форма), необходимо также учитывать стоимость активов, неразрывно связанных с передаваемыми активами (содержание), без которых отсутствовала экономическая целесообразность в приобретении активов, формально включенных в договор купли-продажи.

Регулирующая функция принципа приоритета содержания над формой

Использование в конкурентном праве принципа приоритета содержания над формой способствует смягчению двух основных рисков, связанных с контрольно-надзорной деятельностью антимонопольного органа: риска недостаточного применения нормы права, а также риска чрезмерного применения нормы права. Оба риска сопряжены и вытекают из возможного формального подхода, не учитывающего реальное экономическое положение дел.

Например, до последнего времени была распространена практика антимонопольного органа по привлечению к административной ответственности за злоупотребление доминирующим положением путем наложения оборотного штрафа без достаточной доказательственной базы в отношении последствий злоупотребления, от которых зависела квалификация по соответствующей части ст. 14.31 КоАП РФ (имело ли место ограничение конкуренции). Так, законодатель сознательно перечисляет в качестве индикативных признаков ограничения конкуренции различные последствия данного явления, включая, например, сокращение количества независимых хозяйствующих субъектов на рынке (п. 17 ст. 4 Закона о защите конкуренции).

При этом в качестве содержательного (а не формально-индикативного) признака ограничения конкуренции законодатель указывает на создание возможности в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара на рынке. Означает ли это, что любое сокращение количества независимых хозяйствующих субъектов само по себе создает возможности для отдельных хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара на рынке? Представляется, что нет, далеко не в каждом случае. В этой связи судами совершенно обоснованно было рассмотрено дело, позиция по которому впоследствии была обобщена и доведена Верховным Судом РФ в Обзоре практики от 25.04.2025. В частности, Верховный Суд

¹⁰ Об этом см. подробнее: *Гаврилов Д. А., Петрова А. С.* Вызовы для антимонопольного регулирования в цифровую эпоху // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2017. № 9. С. 48—56.

указывает на недопустимость формальной квалификации действий доминирующего субъекта в качестве ограничения конкуренции без надлежащего анализа состояния конкуренции на смежных рынках (п. 9 Обзора судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства).

В данном случае в рамках эффективного судебного контроля, в том числе в результате обобщения правоприменительной практики, Верховным Судом РФ при одновременном сохранении усмотрения правоприменителя (по вопросам установления фактов ограничения конкуренции) был также обеспечен принцип определенности и недопустимости произвольного вменения ограничения конкуренции в качестве последствия нарушения запрета ст. 10 Закона о защите конкуренции.

Обратный пример, когда формальный подход в ущерб реальному содержанию приводит к недостаточному применению нормы права, демонстрируют некоторые случаи из практики антимонопольного органа по согласованию сделок экономической концентрации. Как известно, Закон о защите конкуренции в случае выявления угрозы ограничения конкуренции в результате осуществления сделки имеет формальную дискрецию: либо отказать в согласовании сделки (п. 5 ч. 2 ст. 33), либо согласовать сделку с выдачей предписания (п. 4 ч. 2 ст. 33). Закон при этом не указывает, в каких случаях следует согласовывать сделку с выдачей предписания, а когда ее осуществление должно быть заблокировано.

Однако данная дискреция является формальной, а по существу — антимонопольный орган не вправе согласовать сделку, если ее осуществление приведет к ограничению конкуренции в отсутствие предпосылок для согласования, предусмотренных ст. 13 Закона о защите конкуренции (позитивный социально-экономический эффект от осуществления сделки). В противном случае, когда антимонопольный орган не имеет доступных механизмов нивелировать потенциальный негативный эффект для конкуренции с помощью предписания, сделка не может быть согласована. Равным образом данное правило действует и в обратную сторону — при наличии таких механизмов в согласовании сделки не может быть отказано.

ФАС России в целом обоснованно определяет, какие решения и при каких обстоятельствах могут приниматься антимонопольным органом в указанных условиях. В частности, возможные развилки достаточно однозначно определяются в п. 4.1 разъяснения ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией».

Однако данный подход, как показывает практика, не всегда в полной мере соблюдается правоприменителем. Так, на практике встречаются случаи, когда антимонопольный орган в короткий промежуток времени после согласования крупнейшей сделки экономической концентрации на рынке возбуждает дело о злоупотреблении доминирующим положением в отношении объединенной группы.

Представляется, что такая неоднородная правоприменительная практика обусловлена недостаточным законодательным закреплением полномочий антимонопольного органа с учетом принципа приоритета содержания над формой. В частности, текущее регулирование контроля экономической концентрации пронизано гражданско-правовыми конструкциями, отдающими предпочтение форме

вместо содержания. В этой связи такой подход к законодательному определению вступает в конфликт с принципом приоритета содержания над формой.

В то время как задача контроля экономической концентрации заключается в антимонопольном контроле процессов укрупнения реального бизнеса (вне зависимости на самом деле от его формы), законодателю почему-то приходится перечислять различные гражданско-правовые формы концентрации (купля-продажа акций, активов, приобретение прав, реорганизация обществ и др.). В действительности же достаточно перечисления в Законе о защите конкуренции нескольких оснований, гораздо более приближенных к содержанию экономической концентрации (чем к ее форме), например: приобретение прав определять условия осуществления предпринимательской деятельности (п. 8 ч. 1 ст. 28), приобретение активов (п. 7 ч. 1 ст. 28) или заключение соглашений о совместной деятельности (п. 8 ч. 1 ст. 27). Остальные случаи (например, приобретение более 50 % акций (долей), переход контроля в результате слияния/присоединения) представляют собой частные формы приобретения прав, позволяющих определять условия осуществления предпринимательской деятельности.

В данном контексте примечательно, что приобретение миноритарных долей (более 25 % или более 75 % акций (при наличии на момент сделки доли более 50 %)) только в исключительных случаях может предоставить покупателю контроль в отношении бизнеса объекта экономической концентрации, что, в свою очередь, ставит вопрос о целесообразности сплошного контроля таких сделок в принципе. На самом деле такие сделки следует контролировать лишь в тех случаях, когда их осуществление влечет одновременно приобретение прав определять условия осуществления предпринимательской деятельности и только по данному основанию, например, в случае одновременного заключения акционерного соглашения или такого распределения голосов на общем собрании акционеров, которое позволяет контролировать бизнес приобретаемой компании и с долей менее 50 % (по аналогии с ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ).

Одновременно с дальнейшим совершенствованием Закона о защите конкуренции, упрощением и обобщением излишне детализированных и наполненных гражданско-правовыми формальными конструкциями норм представляется крайне необходимым для конкурентного права и продолжение активной работы антимонопольного органа по изданию разъяснений, которые, будучи основанными на общих принципах конкурентного права, позволят устранить риски, связанные с неопределенностью правового регулирования. Эффективный судебный контроль для данных целей представляется как минимум не менее значимым.

Резюмируя содержание настоящей статьи, необходимо отметить, что конкурентному праву как отрасли права, процесс формирования которой продолжается, еще предстоит освоить свои основные отраслевые принципы. Специфика общественных отношений в сфере конкурентного права однозначно свидетельствует о необходимости развития научных работ, направленных на осмысление принципов, которые помогут устранить возникающие в правоприменительной практике коллизии и ошибки. В числе таких принципов может быть рассмотрен также и принцип приоритета содержания над формой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. — Свердловск, 1972.
2. *Борзило Е. Ю.* Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра. юрид. наук. — М., 2023.
3. *Гаврилов Д. А., Петрова А. С.* Вызовы для антимонопольного регулирования в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 9.
4. *Голенев В. В.* Доктрина приоритета существа над формой // 2019. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/doktrina-prioriteta-sushchestva-nad-formoy/>.
5. Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. — М. : Проспект, 2022.
6. *Коновалов А. В.* К вопросу о понятии принципов права // Lex russica. — 2018. — № 8.
7. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Российское юридическое образование, 2010.

